

КР
ПР 346
12
63.4(2Р-4РЯ)

ТРУДЫ ОБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РЯЗАНСКОГО КРАЯ
ВЫПУСК XII

Н. П. МИЛОНОВ

МАТЕРИАЛЫ

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ
СКОПИНСКОГО УЕЗДА РЯЗАНСКОЙ
ГУБЕРНИИ

(РАЙОНЫ ТЕЧЕНИЯ РЕК ВЕРДЫ И ПРОНИ)

ИЗДАНИЕ РЯЗАНСКОГО ГУБМУЗЕЯ.

РЯЗАНЬ 1928 г.

2-00

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач _____

К.

258

63.4(20-4.9.91)

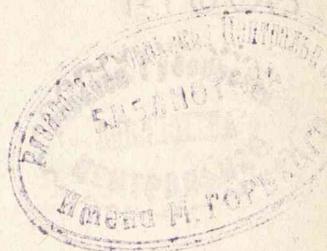
44

Пр 346
12

68.4(2Р-4Р)
М 606

Н. П. МИЛОНОВ

БЕЛЫЕ НИЛГУ

МАТЕРИАЛЫ

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ СКОПИНСКОГО УЕЗДА РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

(РАЙОНЫ ТЕЧЕНИЯ РЕК ВЕРДЫ И ПРОНИ)

44134.-Б

1840

В КНИГОХРЕН-ЛИЩЕ
Р. С. Б.

ИЗДАНИЕ РЯЗАНСКОГО ГУБМУЗЕЯ.

Рязанская Губернская Центральная Библиотека просит читателей бережно обращаться с книгами.

В случае обнаружения в возвращаемых, книгах каких-либо надписей, помарок, вырванных страниц, портретов или рисунков, порчи переплета и т. п. читатель отвечает в размере действительной стоимости книги.

Каждый читатель обязан при получении книги из Библиотеки просматривать ее и о замеченных недостатках тотчас сообщать, дабы Библиотека могла сделать соответствующее обозначение на обороте сего листка.

Никакие заявления о дефектах книги при ее возвращении в Библиотеку приниматься во внимание не будут.

Извлечение из правил Библиотеки.

85-04

2-00

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач _____

К.

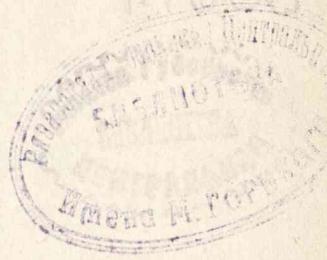
255

63.4/20-49

Пр 346
12

68.4(2P-4P)

17.606

Н. П. МИЛОНОВ

БЕРЕДИТЕ КНИГУ

МАТЕРИАЛЫ

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ СКОПИНСКОГО УЕЗДА РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

(РАЙОНЫ ТЕЧЕНИЯ РЕК ВЕРДЫ И ПРОНИ)

44134-Б

1840

В книгохран. ящике
Р. О. Б.

ИЗДАНИЕ РЯЗАНСКОГО ГУБМУЗЕЯ.

БЕРЕДИТЕ КНИГУ

РЯЗАНЬ 1928 г.

09121

85-04

100
98-11

16

Напечатано по постановлению Правления Общества.

Ученый Секретарь А. МАНСУРОВ.

Материалы к археологической карте Скопинского уезда Рязанской губернии.

(Районы течения рек Верды и Прони).

Археологические исследования летом 1925 г. велись в том же районе, что и в прошлом 1924 г., гл. образом, по течению 2-х рек, прорезывающих территорию укрупненного Скопинского у.—Верды и Прони. Производство частичных археологических раскопок (частичное, неполное, вскрытие памятников в их „in situ“ и во внутреннем содержании) и осуществление разведок (определение и регистрация памятников по имеющимся внешним признакам) составляли основу всей исследовательской работы при изучении археологических памятников Скопинского края. Археологические памятники, добытые и при разведках и при раскопках, подвергаются последующей научной обработке (классификации) и постепенно включаются в обще-археологическую генеалогию.

Для предварительной оценки имеющихся данных по археологии Скопинского края, для лучшей ориентировки при новых археологических исследованиях мы составили карту археологических памятников (см. карту на стр. 5-й), открытых в 1924 и 1925 г. и подвергнутых научному изучению по вышеуказанным принципам. Но все материалы, полученные в 1924 и 1925 г., не могут претендовать на окончательные и вполне положительные выводы, наоборот, они являются рабочей гипотезой, облегчающей предстоящую большую научную работу в Скопинском крае и только в некоторых случаях они дают положительные ответы на вопросы.

Летом 1925 г. открыты следующие памятники: 2 городка (Лихаревский и Мшанский), группа курганов (около с. Лазинки Павелецкой вол.), 2 одиночных кургана, остатки старины около с. Лазинки Павел. вол. „на острове“ и остатки старины в 3-х пунктах в г. Пронске, 6 отдельных находок каменного и конца железного (неометалл.) веков. Все эти памятники по своему содержанию и по методу их открытия и обработки связаны с памятниками, описанными в нашей брошюре „Опыт арх. исслед. по течению р.р. Прони и Галины“ (изд. Скоп. УОНО 1925 г).

Лихаревское городище. Городище находится около поселка (Красной городок) в 4¹/₂ вер. на юго-восток от г. Скопина. Расположено в поемной болотистой долине р. Верды, на левом ее берегу. Преданий о городище никаких не сохранилось, но о существовании его знают все окружающие крестьяне

и оно зовется у них „городок“. Не зная „городка“ нельзя, — нельзя не заметить высокого рельефного мыса, на котором основан „городок“, высоко лежащий над речной долиной и живописно покрытый лесом — молодняком. Форма „городка“ овально-утолщенная, приближающаяся к трехугольной; вход на него имеется с запада. С трех сторон „городок“ ограничен крутыми обрывами, дно которого занимают болота. С напольной стороны имеются 2 рельефные дугообразные вала и 2 рва. Длина двора городища равна 120 шагам (98 метр.), ширина по линии соединяющей концы внутреннего вала — 27 ш. (22 м.), ширина внешнего вала 48 ш. (41 м.). Высота всего городища над уровнем реки и долины равна 20 саж. (ок. 45 м.), длина — основания „городка“ — 514 метр. Высота первого вала — 1 мет., ширина площадки между первым валом и вторым — 8 м., ширина рва — $3\frac{1}{2}$ м., высота второго вала — $\frac{1}{2}$ мет. (заметен оплыв насыпи). Пробные ямы, вырытые на поверхности городища обнаружили, что культурный слой распространен не по всей площади двора, так — в восточной половине двора идет естественное чередование слоев, здесь совершенно отсутствуют признаки культурного слоя.

Наоборот, — в западной части во всех участках на глубине $\frac{1}{4}$ арш. и больше залегал культурный слой, имеющей мощность от $\frac{1}{2}$ арш. до $1\frac{1}{4}$ арш. Культурный слой покрыт дерном и почвенным перегноем, а подослан теми же подпочвами, какие идут в восточной половине гор. Пробный почвенный разрез убеждает в том, что природный мыс не весь был использован под стоянку; в восточной половине, примыкающей к рвам и валам, имеются определенные признаки стоянки, в западной стороне, отделенной от первой перемычкой, никаких следов стоянки нет. Таким обр. последующие арх. данные относятся только к восточной части Лихаревского городища.

Раскопки велись участками, заложенными в шахматном порядке по всему городищу; размер каждого участка равнялся 2-х кв. мет. В участках 2, 4, 5 удалось обнаружить признаки костров, составленных из массы углей, золы, шлака и немногочисленных обломков посуды. Костры имелись в небольших ямах, вырытых на 1 арш. глубины, имевших в диаметре $\frac{3}{4}$ арш. В участке 2-м, на глубине $1\frac{1}{2}$ ар., найдена глинобитная печь в виде большого сплошного и обожженного куска глины и отдельных мелких кусков той же глины. Была зачищена передняя часть печи — затоп, впереди которого имелась предпечная яма. По остову передней части печи можно было видеть, что плечи печки были поставлены прямо на грунт, и вся печь в виде конусообразного свода лежала на одинаковом уровне. Длина уцелевшей части печки равна $4\frac{1}{2}$ ф., ширина устья — $3\frac{1}{2}$ ф., высота свода от основания печи — 3 ф., толщина свода — от $\frac{1}{8}$ ф. до $\frac{1}{2}$ ф.; глубина предпечной ямы равна $4\frac{1}{2}$ ф. Форма всей печи, должно быть, была конусообразная, — конус, лежащий на боку, имеющий вершину на восток, а основание на запад. Дно печи и предпечной ямы были завалены углями, золой, кусками железного шлака и немногими черепками от глинянной посуды;

костей животных и других вещей не было. Вокруг местоположения печки, при зачистке всего участка, обнаружено большое скопление угля: мелкого, крупного и золистого. К востоку от печи, на расстоянии 1 ар. были обнаружены контуры ямы, наполненной углем и фрагментами посуды; при зачистке оказалась четырехугольная землянка, имевшая в диаметре около 6-ти кв. ар. В землянке очень много угля, но совсем мало глиняных черепков и кусков шлака. Среди общей массы этих остатков найдено маленькая граненая бусинка из горного хрусталя. Остатки посуды во всех отмеченных участках одного типа, они имеют орнамент линейный или же не имеют никакого, все сделаны на круге из желтой и темноватой глины. Куски шлака остались от железной руды, кости животных относятся к корове и овце. На границе 2-го участка в направлении к землянке были найдены три глиняные формочки, из которых две представляли круглые клиновидные и глубокие отверстия, одна же представлялась в виде продолговатой широкой и плоской выемки, напоминающей каменные половинки литейной формы для кельтов.

Величина углублений двух первых форм равна 3-м верш., ширина отверстия снаружи—1 вер., жалобчатая форма имела ширину в $1\frac{1}{2}$ в. высоту выемки в 1 мм.

Все три формы проделаны в кусках глины, сильно обожженных и получивших кирпичный цвет. Все участки, содержащие культурный слой, говорят за единообразие бытовой картины, представленной здесь тем племенем, которому, на Лихаревском мысе пришлось планировать свою стоянку. Смешения каких-либо двух культурных наслоений, различающихся по внешней обстановке и по отдельным вещам, здесь не видно. Носителем культуры данного городища, несомненно, было одно племя. Присутствие угля в связи с кострами и землянкой определенного типа, глиняные формочки, куски железного шлака, граненая бусина, кости домашних животных, фрагменты посуды с линейным орнаментом—все эти данные говорят за тип славянского поселка. Остатки посуды по своей морфологии и материалу вместе с бусиной из горного хрусталя сближают культуру Лихаревского городища с инвентарем маклаковских вятических курганов. В Маклаковских курганах найдено ожерелье (проф. Саратовского унив. П. С. Рыковым)—бусы из сердолика, горного хрусталя и пасты. Гранчатость этих бус сближается с гранчатостью бусины из Лихаревского городища. Там и здесь очень схожа керамика.

Если-бы было больше данных, сближающих инвентарь Маклаковских курганов с находками в Лихаревском городище, то мы отнесли бы время существования городища не ранее, как к XII веку.

Мшанский городок. Переходя к описанию следующего памятника, открытого на левом берегу р. Верды, мы считаем необходимым указать на особую связь некоторых исторических памятников с природой в топографическом отношении. По маршруту в 25—30 верст, пройденному летом 1925 г. от Лиха-

ревского гор. до станции Кремлево Ряз. Ур. ж. д., мы изучили характер и рельеф местности, установили пункты, занятые историческими колонизаторами края. От истоков р. Верды до самого г. Скопина и дальше к устью реки идет широкая болотистая поемная долина, рассекаемая течением реки на две части.

Поверхность долины покрыта болотной флорой, состоящей или из мелких кустарников, или же из болотных трав. Недра этой долины хранят богатые залежи торфа, отчасти уже эксплуатируемого местным населением. Река Верда бежит по долине, извиваясь змейкой, превращаясь местами то в быстрый ручеек с берегами, поросшими тростником и осокой, то в широкие котловины яйцевидной формы с отлогими берегами, поростающими летом травой. У краев широкой приречной долины вздымаются высокие бугры, беспрерывной цепью сопутствующие течению р. Верды.

Но Верда несмотря на довольно красивый ландшафт, окружающий ее течение, все же далеко уступает по красоте реке Проне. Проня действительно составляет красивое явление природы и может быть сравниваемо только с большими русскими реками вроде Оки и Дона.

Вся природа р. Верды беднее природы р. Прони, воды ее мутнее, тенистее, русло уже, береговых террас почти нет, величественных высоких каменных берегов нигде не видно. Этим различием отчасти объясняется разница в характере и содержании памятников, имеющих по течению р. р. Верды и Прони.

В долине р. Верды, среди непроходимых болот нередко попадаются островки и урочища, с которыми народное предание связывает легенды о кладах и разбойниках. По высоким надречным холмам, везде далеко отступающим от реки, выпадают кульминационные точки занятые древними памятниками, как например, городищами, курганами-одиночками и др. Недалеко от верхнего течения р. Верды на юг проходит знаменитая тропа, проложенная татарской ордой и до сего времени обозначенная широким рубежом и называемая по татарски „сакмой“ *)

*) В Историческом атласе России, составл Н. И Повалишиным (2 издание) в описании к XI-й карте находим подтверждение к возможности существования «сакмы» в нашем крае. «Обзор Историч. карт»—XI к «Русь в 1533 г. при Василии Иоанновиче»... «Большая орда пала, возникшее из нее царство Астраханское было ослаблено,—обстоятельство, благоприятствовавшие разветвлению Донских казаков по Волге и Дону. Один лишь Крым остался неизменным, высылал почти ежегодно толпы хищников на грабеж нашей и Польской Украины... Карта представляет шляки и сакмы, по которым обыкновенно врывались татары крымские и Белгородские. Эти шляки дают также понятие о тогдашних путях сообщения с Крымом». На описываемой в 1 ч атласа одиннадцатой карте мы и находим так называемый Кальмиусский шляк. Он идет от Перекопа через Дон, Изюмский перевоз, через Черкасы, мимо Ельца и проходила недалеко от места, где стоит теперь г. Скопин Ряз. г., дальше шел недалеко от Павельца. Около Черкасс в Кальмиусский шляк вливался Муравской шляк, шедший из 2-х пунктов—из остр. Хорицы и от гор. Сторожева. Таким образом тропа по которой могли набегать в наш край орды Крымских и Белгородских татар. существовала и исторически зафиксирована на атласе Н. И. Повалишина. В том же атласе, во 2 ч, на карте «Руси при Данииле короле Рус-

Интересно то, что памятники старины, основанные или в долине реки, или на верху прибрежных холмов, в народном предании настойчиво связываются с „сакмой“. Местные жители объясняют, что „сакма“ служила приманчивой дорогой; на проходивших по ней людей нападали с целью грабежа разбойники, прятавшиеся на поселках, основанных еще в старину и причисляемых нами теперь к разряду археологических памятников. Но то значение „сакмы“, какое приписывают ей местные жители, возникло несомненно позже, чем была основана сама „сакма“, ведь никто не мог грабить татарскую орду, пролагавшую эту дорогу, тем более этого не могли сделать „разбойники“. Известно что „сакмой“ после татар пользовались: правительство, купцы и другие частные люди. По ней ездили чиновники, шли торговые караваны и пробирались отдельные пешеходы и всадники; по ней гоняли скот с юга в центр, везли хлеб и подати. *) В эти периоды „хозяйственного“ движения по „сакме“ параллельно мог возникать и развиваться бандитизм, носителями которого могли быть всякие „вольные“ люди Московского государства, или сами выбившиеся из общественной колеи, или изгнанные оттуда правительством. Эти периоды жизни не могут быть связаны ни с эпохой колонизации края славянами (до XII в.) ни с периодом татарского нашествия до XIV в), но они современные послетатарскому периоду русской жизни. Поэтому народное предание совсем не сохранило сведений, правдоподобно разъясняющих смысл бытовых и коллективных памятников, имеющихся по р. Верде. Исторические моменты колонизации края славянами затемнились в народном сознании поздними, но яркими и свежими моментами жизни, более близкими им по времени. Ни один памятник не связан в народном предании с истинными его основателями, но многие связаны с разбойниками „действовавшими“ по „сакме“. Археологические разведки памятников старины подтверждают такое предположение: памятники основаны славянами, но не разбойниками **) Основное содержание всех этих памятников составляют вещи, оставленные мирными культурными колонизаторами. Вещи от „разбойников“ если и встречались, то носили случайный характер и датировались более поздним временем. Таким образом, правда народной молвы является, так сказать, одной стороной дела-указанием на после-

ском» мы находим ряд линий, намечающих движение татарской орды к местам нашего края—с Востока через Рязань и Пронск на юг. На карте Руси в 1389 г. при Димитрии Донском мы находим линию, обозначающую движение орды с Юга к Куликовому полю. Несомненно, сакмы и шляки, проложенные татарами, проходили чрез наш край, и районом движения татар были дороги недалеко от Скопина, Павельца и Пронска. О частых набегах Крымских татар по шлякам свидетельствуют многие исследователи, в том числе проф. М.К. Любавский «Лекции по древн. Русск. истории до конца XVI в». стр. 259—260

*) См. Историч. атлас России Н. И. Повалишина ч. 1. карта XI (Русь в 1533 г. при Василии Иоанновиче.)

**) Некоторые городки в районе р. Верды относятся не к колонизации края славянами, а ко времени укрепления границ Русск. госуд. дозорными линиями-засеками и острожками. См. Рязанск. засечн. кн. XVI. в (Рязань 1890 г.) Дозорная кн. Рязжской засеки 1672 г. и др.

дующее значение древних поселков, а правда археологических исследований является главной стороной дела; она приписывает памятники тому, кто их действительно основал.

Особенно охотно предание связывает Мшанский городок с разбойниками почему и называют его разбойничьим. Этот городок отстоит в 1 версте от „сакмы“ и действительно он мог быть удобным пунктом для наблюдений и грабежа по „сакме“. Мшанский городок на левом берегу р. Верды и основан на песчаной подушке, лежащей в 10 саж. от реки. Городок находится в 25 в. от города Скопина, в 3 вер. от с. Мшанки и в $3\frac{1}{2}$ вер. от с. Павельца. Он находится во владении граждан с. Мшанки, стоит рядом с железнодорожным отчуждением, но на противоположной стороне, к станции Павелец Сызр.-Вяз. ж. д. Он имеет форму почти правильного круга, слегка овального, окружен широким рвом и рельефным валом. Вал, ров и часть двора городка разрушены при выемке камней из глубины почвы. Размеры городка по линии овала—70 шагов, по линии перпендикулярной овалу—60 шагов, расстояние от вала до верхушки городка 42 шага, длина окружности по внешнему рву—247 шагов, ширина внутреннего рва—3 арш. высота рва—2 арш. высота всего городка над уровнем реки—42 арш. Почвенный разрез на площади городка дает такую картину: дерна $\frac{1}{4}$ арш., желтого песка— $1\frac{1}{2}$ ар., песка с глиной $3\frac{1}{2}$ ар., остальное—речной песок-пльвун. На городке по словам крестьян, производились кладо-искательские раскопки. Были найдены 2 меча и нож-вещи позднего времени.

Нами были заложены 2 раскопчных участка на городке. Раскопки были доведены до глубоких слоев, но нигде никаких вещей не было встречено. В разрезах же шло то естественное чередование слоев, какое мы отметили выше. Обследовав площадь городка и подошву около него, мы установили, что поиски на поверхности городка и в раскопчных участках бесполезны. Но далеко не бесполезно оказалось обследование подошвы городка и поверхности поля, прилегающего к нему. С северо-восточной стороны на участке занятом под просо было найдено много остатков глиняной посуды, углей и даже несколько кусков шлака. Повидимому, место находок являлось площадью, находившейся когда-то под стоянкой. В этом убеждают найденные предметы, при изучении дающие возможность относить время их появления к глубокой древности. Начнем с главного, что мы здесь добыли,—фрагментов посуды. Подобрано шесть основных видов посуды, различающихся, прежде всего, по орнаменту. Орнамент везде тщательно нанесен мастерами на стенки посуды. Очень многие черепки орнаментированы волнистыми линиями, проведенными на поверхности горшков широкими и узкими параллелями, причем есть обломки, украшенные волнистыми линиями в 5—6 рядов, и другими не параллельно, но кругами и зигзагами. Особенно многочисленны остатки посуды с линейным орнаментом; на них линии проведены неглубоко, а параллели везде узкие. Редким, но наи-

более интересным видом орнамента является художественная комбинация, составленная из волнистых линий и маленьких вдавленных ромбов; линии и ромбы правильно чередуясь, создают красивый узор.

Несколько обломков густо покрыты вдавленными ромбами (чеканный орнамент), и узор из ромбов можно назвать рябчатым. На черепках посуды, сделанной от руки, видны неряшливо нанесенные ямки и линии-бороздки (точеный орнамент) без всякой симметрии. Наконец, к последней разновидности найденных орнаментов надо отнести специальное украшение внутренних стенок горшков, состоящее из довольно редких, параллельных и переплетающихся линий, нанесенных неглубоко; внешние стенки таких сосудов украшены иногда линиями, а иногда не имеют никакого орнамента. Материалом для посуды служила глина разных сортов и цветов; преобладающим же цветом глины являлся цвет желтый. Но все черепки, имеющие неряшливую форму, сделаны из темной глины.

За небольшими исключениями все остатки посуды сделаны на круге и хорошо обожжены. Многочисленные остатки, подобранные около Мшанского городка, давали возможность составить обычную форму славянской посуды (горшков средних размеров без уклона к какой-либо другой форме-яйцевидной, больших размеров и т. п.) Эта форма глиняной посуды вполне, по видимому, роднится и уживается здесь со всеми видами орнамента.

Сравнительный анализ данных, относящихся к морфологии, орнаменту и технике вышеуказанной посуды, позволяет отнести ее к одному и тому же этническому и культурному корню, к которому относятся остатки посуды, добытые в Маклаковских (вятических) курганах. Фрагменты посуды, находимые на площади около городка, всюду сопровождаются и другими остатками культурного слоя-костями домашних животных (лошади, коровы, овцы и свиньи), кусками шлака, углями и железными обломками. Все остатки вместе составляют данные, как-будто говорящие за возможность селища, существовавшего на площади поля, прилегающего к городу. Особенно же за это говорят многочисленные остатки костей и значительная площадь, покрытая остатками. Нужно думать, что какое-либо племя, избрав для своего селища высокий край поля, недалеко лежащий от реки, укрепило переднюю часть своего поселка. Городок являлся крепостью, построенной для обороны. Если не нашлось культурного слоя на площади городка, то можно думать, что он устроен был теми же, кто жил около него. Нигде здесь не заметно примет какой-либо другой культуры, везде, как-бы ровным слоем, распространена культура, разгадать которую отчасти помогают фрагменты посуды. Не славяне ли здесь временно селились и не они ли размежевали весь береговой участок:—на крепость (городок) и на поселок (селище)? *) Жили здесь разбойники или нет, мы

*) За селище говорят многочисленные остатки костей, а за славянский тип-обломки посуды, хотя трудно думать, чтобы славяне вне городка раскинули селище. (Астор)

не знаем, но ясно, что ни один из вещественных признаков разгадываемой исторической культуры к ним не относится.

Желая проверить смысл народного предания, связывающего „Мшанский городок“ и „Лазинский остров“ с деятельностью разбойников, мы обследовали и этот последний. Не производя раскопок на Лазинском острове, собрали данные, относящиеся к нему. У крестьянина с. Лазинки Забалуева имеются 2 вещи с острова: медная шкатулка и серебряная вилка. Оба предмета не представляют археологического значения, но интересны по связи с вышеотмеченным преданием и легендами об острове. Остров делится на 2 части: первую—главную в 200 шагов длины и 140 шагов ширины,—вторую, небольшую, называемую „сорочий куст“. Легенда говорит, что ведьмы, превратившись в сорок, слетались к острову на „шабаш“. Там же зарыт, думают, и золотой клад. Глухое, недоступное из за болот место, где скрыт остров, предание о кладах, ведьмах и разбойниках невольно связываются с теми вещами, какие добыты здесь лазинскими крестьянами. Остров мог быть и, вероятно, был случайным местом, где укрывались разбойники, может—быть действительно грабившие по „Сакме“. Не имея предпосылок к чисто археологическому исследованию острова, мы все-же отметили его, имея в виду народное предание о разбойниках и о „сакме“, которое более или менее правдоподобно объясняет смысл находок на острове.

Кульминационная точка высокого хольма, лежащего недалеко от р. Верды, на правом ее берегу, в районе местонахождения „Лазинского острова“, занята группой курганов. Все насыпи невысоки, некоторые едва заметны. Мы застали курганник распаханным крестьянами и видели, что многие насыпи совершенно сравнялись с горизонтом, на месте глубоко распаханных насыпей видны кости от человеческих костяков и глиняные черепки. Всего хорошо заметных насыпей—5. 25—26 июня 1925 г. нами было раскопано четыре кургана, один оставлен нетронутым для представления возможности другими проверить наши раскопки. Форма насыпей курганов полушарообразная, высота варьирует от $\frac{1}{2}$ арш. до 1 ар., окружность от 13 ар. до 15 ар. Во всех курганах на глубине $\frac{1}{2}$ ар. и $\frac{1}{4}$ ар. находились костяки, обращенные головой на запад, с руками вытянутыми вдоль корпуса. Погребения лежат на горизонте прямо под насыпью. В кургане под №№ 1, 3 зачищены прослойки колод в виде сплошной черной ленты, окаймляющей костяк правильным вытянутым четырехугольником. Иногда и при самых погребениях и в насыпи попадались угли.

Во всех насыпях сверху, в середине и у самых погребений попадались обломки глиняной посуды. Такие же фрагменты посуды попадались и на поверхности поля около курганов. Вещей нигде не оказалось, но все остатки посуды, найденные в данной обстановке, представляют большей научный интерес. Черепки сделаны от руки из темной, обожженной глины, перемешанной с кварцем. Орнамент на них двух видов: 1,—точечный, причем

углубления нанесены чеканом, 2,—волнистый (из ломаных линий) в три параллели. Черепки с волнистым орнаментом составлены из той же глины, что и с чеканным, но имеют красноватый, жженный оттенок. Ассортимент найденной здесь керамики дополняет обломки, сделанные из той же глины, но не имеющие никакого орнамента. В стороне от указанных видов керамики стоит найденная здесь шейка глиняного сосуда, составленная из более светлой глины лучше обожженная; шейка слабо вдавлена и имеет верхний край гофрированный. Подобная керамика совершенно не родится с внутренней и внешней структурой курганов. Обычная керамика, находящаяся в славянских курганах и городищах, не имеет ничего общего с типом фрагментов, найденных около Лазинских курганов и внутри их. Фрагменты посуды, схожие с данным видом, встречаются в городищах, относящихся к до христианской эре, и в городищах Дьякова типа. Наши же похожие черепки найдены были в 1924 г. на площади финского городища, открытого около с. Макликова Скопинского у. Присутствие указанных обломков посуды в курганах с христианским (славянским) способом погребения говорит за случайный характер этого явления: остатки посуды вряд ли могли принадлежать славянам. Очевидно курганы были насыпаны на месте финского поселка и вполне естественно финские черепки при насыпании славянами курганов могли попасть в них.

Археологические разведки по Пронску летом 1925 года.

Всякий, кто видел современный Пронск, скажет, что он расположен на красивом, живописном месте. Город лежит на высоком плоскогории, подошва которого огибается красивой лукой р. Прони. С поверхности плоскогорья открывается далекий горизонт: видны поселки и леса за 10—15 верст.

Красота и удобства этого природного уголка особенно, вероятно, ценились в далекие минувшие века, когда заселение края шло по речным магистралям. Здесь в Пронске нагляднее, чем в других местах нашего края обнаруживается историческая связь природы с последовательной колонизацией места, представляемой здесь вещественными памятниками от разных времен. Рядом с основным плоскогорием—песчаноглинистым массивом, на котором лежит город, идут еще отдельные холмы, в виде отрогов, высокие, низкие, крупные и с отлогими берегами. Все холмы одной геологической породы с плоскогорием, одинаково являются носителями и тайниками древних культур, оставленных здесь различными племенами. Для археолога исследователя является важным то обстоятельство, что почва всей горы и холмов, как-бы насыщена „старинной“. Всюду обнажаются остатки могильников, сооружений (руины) и отдельные предметы археологического значения. О существовании могильников и старинных кладбищ говорят черепа и кости умерших людей, видимые в разрезах почвы, колоды и вещи, сопровождавшие погребенных. На Покровском и Пашином буграх видны руины

древних сооружений в виде остатков стен, кирпичей, дерева и железа. Помимо коллективных бытовых и религиозных памятников старины мы здесь имеем находки, говорящие за богатое чередование культур в прошлом. Даже наши неполные исследования и немногочисленные находки и те заставляют думать о широком развитии колонизации на территории Пронска, о перекрещивании одних культур с другими. Неолит, бронза, ранний и средний неометаллический век, эпоха княжеств, время Московской централизованной государственности—таковы даты представляемые вещественными памятниками, добываемыми в Пронске и на поверхности почвы и в недрах ее. В настоящей статье мы не имеем в виду представить такое описание древностей Пронска, которое исчерпало-бы содержание имеющихся здесь вещественных памятников. Подобное описание помимо специальной постановки вопроса требует научной методологической связи с имеющимся уже археологическими, этнографическими и историческими исследованиями по Пронску. Мы только разбираем свои наблюдения и даем некоторые археологические материалы, полагая, что все добытое нами станет в связь с общенаучной работой по изучению Пронска.

В 1924 г. нами производилось обследование горы Гневны, в 1925 г.—бугров: Покровского и Пашина. Исследования производились путем разведок и частичных раскопок.

Гневна. Гневна—большой естественный бугор, находящийся в углу скрещения ручья Пралии и реки Прони—при впадении Пралии в Проню. Гора Гневна имеет верхушку площадью в 4—5 десятин, основание в 20 десятин.

Кладоискатели первые начали на Гневне свои „работы“ и чрез них стало известно, что здесь могильник. Внешних признаков могильника проследить нельзя и возможно думать, что это „могильник без внешних признаков“. Заложено было 3 раскопочных шурфа.

Обнаружилось, что под некоторыми погребениями, на глубине $\frac{1}{4}$ арш. от поверхности, положены каменные (железняк) плиты, идущие в порядке (одна за другой) по линии четырехугольника, соответствующего размерам могильной ямы. Большинство погребений указанных плит не имело. Погребения вскрывались на глубине от $\frac{1}{2}$ арш. до $1\frac{1}{4}$ арш.

Расположены погребенные скученно: одни костяки лежали над другими, друг за другом, или же один остов лежал рядом с другим, но голова 2-го шла от тазовых костей первого. Из некоторых ямах погребения имели один горнизонт, лежал и на одинаковой глубине, но в „куче“—беспорядочно.

Все остовы погребенных—без исключения—ориентированы головой на запад, ногами на восток. Руки погребенных расположены различно: обе скрещены на груди, одна на груди другая вытянута вдоль корпуса, обе вытянутые, обе лежат у тазовых костей.

Остовы лежат на чистом грунтовом песке, 1 раз выявились следы грововища. Вещей при погребениях нет. Керамика—в ви-

де обломков глиняной посуды и пряслиц попадалась и в разрезе насыпей и при могилах. Изредка находимы были угольки и кости домашних животных.

Могильник Гневны представляет интересный ритуальный памятник, повидимому,—славянский.

Необходимо более полное и широкое его исследование.

К категории отдельных холмов-отрогов, отмеченных нами выше, относится Пашин бугор, имеющий гораздо меньшую высоту и площадь, чем гора-Гневна. Бугор представляет площадь занятую под огород, имеет трехугольную форму, простирается в длину на 80 шаг., в ширину на 20—30 шаг. и расположен на участке, лежащем между основным плоско горием и р. Проней. В 1924 г. на поверхности холма мы собрали много фрагментов посуды из серой и желтой глины, украшенных волнистыми линиями, проведенными в 2—3 раза, и линиями параллельными.

Владетельница огорода на Пашином Холме подарила нам железную кирку, найденную ею в почве при пахоте участка. Кирка имеет плоское, широкое тесло с полувислым обухом; длина орудия $1\frac{1}{2}$ четв., ширина лезвия $1\frac{1}{2}$ вершка, толщина тесла—1 мм. Орудие, по мнению специалистов, было приспособлено или к рытью траншеи, или к работе в каменоломнях. В 1925 г. летом на этом же самом бугре были произведены небольшие раскопки. На небольшой глубине удалось вскрыть три костяка, причем установлено было, что костяки расположены вполне аналогично тому как кладут умерших в современных православных кладбищах. Вещей сопровождавших погребение, кроме глиняных черепков, мы не нашли. Но в процессе раскопок иногда попадались куски кирпича и глины, железные гвозди, черепки, угли и дерево. Все эти остатки по месту своего залегания совершенно не связаны с могилами; они лежат и глубже и мельче уровня могил и попадают со всех сторон на площади разрываемых участков. Дальнейшие разведки на Пашином бугре дали возможность убедиться что мы имеем дело с 2-я видами памятников, не совпадающих между собою ни по содержанию отдельных находок и ни по обстановке, сопровождающей находки. Возможно, что на территории холма имелось сооружение, от которого остались указанные разнообразные строительные материалы и некоторые бытовые вещи: кирка, часть посуды и пр. В конструктивной связи с насыпью всего трехугольника стоят ров и вал, с трудом прослеженные у подошвы насыпи. Везде легко проследить единообразие вещей, одинаково встречающихся среди материалов сооружения и на поверхности насыпи и у подошвы холма. Что же касается погребений, то они, помимо своего самостоятельного содержания и независимого положения в почве, не синхроничны отмеченному виду памятников. Нельзя думать, чтобы одновременно на очень небольшой площади существовали и сооружения, контуры которого прослежены по всей площади, и кладбище. Мы думаем, что раньше существовало сооружение, а потом, когда его не стало, на площади, изолированной от

внешнего мира, было основано кладбище. Время помятников, судя по типу керамики и по общему составу материалов, уходит к 15—16 в. в.

В дополнение к разведкам, произведенным нами на отдельных холмах, приходится добавить и разведку на Покровском бугре. Бугор этот является восточной крайней стороной продолговатого плоскогорья, на котором стоит весь город Пронск. Высокое плоскогорье заостряется здесь мысом, имеющим не более 50 шаг. в ширину. В этой части имеется довольно старинный Покровский храм. С востока же, где кончается бугор, на боковом обрыве выступают контуры толстого обугленного слоя, оставшегося от пронского кремля, разрушенного Батыем. Слой этот называется батыевым. Летом 1925 г. граждане Пронска, поправляя дорогу на поверхности бугра, вырыли много костяков, найденные в колодцах и без колод; открыли остатки сооружения в виде кирпичной стенки и нашли часть парчи, унизанной бисером, колечко и несколько глиняных черепков. Вещи найденные при погребении, куда-то бесследно исчезли, а часть стены и место нахождения костяков нами осмотрены. Не имея возможности произвести раскопки, мы ограничились изучением некоторых отдельных вещей, полученных частными лицами с Покровского бугра. Гражд. Молчанов нашел 2 железные стрелы, из которых одну подарил нам, а другую оставил у себя.

Подаренная нам стрела имеет плоскую трехугольно-листовидную форму и гвоздевидный черенок. Другая стрела имеет узкий, чем у первой, листовидный наконечник. Черенок этой стрелы соединен с наконечником особым утолщением, благодаря чему вся стрела напоминает форму наконечника копья. Размеры первой стрелы: длина 1 в., ширина 3 мм.; размер 2-й длина 2 в, ширина 2 мм. Обе стрелы можно отнести ко времени татарского нашествия.

С вершины Покровского бугра в низ к основанию горы идет глубокий овраг, получившийся при размывании почвы водой. Овраг этот очень длинный и глубокий, тянется, более чем на сто сажень; дно его покрыто камнями, и крутые стены его состоят из мощных слоев глины и песка. Процесс разлива почвы в овраге неуклонно развивается и овраг становится похожим на зияющую пропасть. Какие-то слои почвы в стенах оврага пропускают наружу содержащиеся в них предметы. На отвесных боках и на самом дне оврага нередко находят осколки кремня, каменные наконечники стрел, фрагменты глиняной посуды неолитического и бронзового типов. Обследуя овраг, мы случайно в стене обрыва, на глубине 5 ар. от поверхности, нашли три вещи: кремневую пластинку, наконечник стрелы и кремневое сверло. Кремневая пластинка была узкая, на одной стороне ее видны глубокие следы сколотой техники, а по краям другой стороны нанесена легкая ретушь отбойником; острый конец орудия отбит, а тупой имеет поперечную выемку. Данная находка относится к типу универсального орудия-пластинки „*lame*“ и могла

быть и ножом и скребком. По размерам пластинка скорее неолитического типа, но может напоминать пластинки поздне-палеолитической поры. Кремневый наконечник стрелы (второе найденное орудие) имеет листовидную форму (лаврововидный) и тщательную отжимную ретушь на обеих сторонах. Третья находка-кремень, один конец которого обработан в форму шила, а другой утолщен. Сверху на этой пластине идут редкие, как бы небрежные, штрихи оббивки, сгущенные и уточненные к рабочему концу орудия. Орудие относится к неолитическому типу и может быть названо сверлом. Отыскав все три орудия вместе, мы думаем, что удобнее отнести их к неолитическому типу (именно к поздней поре неолита). Нахождение сверла, напоминающего вид неолитического продолговатого нуклеуса, намекает на возможность существования мастерской, в которой наряду с хорошо обделанными образцами встречались подправленные орудия. Сверла подобные найденному в Пронске имеются в неолит. зале Росс. Ист. Музея, куда они доставлены с неолитических стоянок Оки. Ножи и стрелы подобного типа тоже имеются в Ист. Музее с неолит. стоянок. Все три орудия, несмотря на отсутствие для них геологического горизонта и культурного слоя, роднят неолит Прони с неолитом Оки.

Археологические раскопки необходимо произвести во всех пунктах г. Пронска, намеченных нашими археологическими разведками. На основании произведенных археологических разведок мы можем сказать, что в Пронске имеются памятники ценные в научном отношении; типы памятников обозначают широкую вариацию и во времени и в культурах.

Отчеты и дневники писанных здесь исследований представляются в Главнауку, а материалы хранятся в Скопинском музее.

1925 г. 23 сентября.
